

Е.П. Блаватская

ПСИХИЧЕСКОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ

Не может ли кто-нибудь из многочисленных читателей "Теософиста" просветить меня относительно влияния, которое было оказано на меня в случае, о котором будет рассказано ниже? Я, конечно, категорически отрицаю, что это было некое духовное проявление, но без сомнения здесь действовала какая-то необыкновенная сила, объяснить и постичь которую я не смог до сих пор.

Я учился в школе с мальчиком приблизительно того же возраста; затем мы расстались и встретились опять лишь, примерно, через тридцать пять лет. Это произошло в Агре, где он служил помощником сборщика налогов, а я -- главным клерком в том же учреждении. Наша дружба возобновилась, и вскоре мы очень привязались друг к другу; между нами фактически не было секретов. Это продолжалось несколько лет, и почти каждый день мы видели друг друга. Я имел возможность посетить моего зятя, богатого землевладельца в Мейруте, во время праздников Дасара, и после своего возвращения я рассказал своему другу о празднованиях, которые я там видел. Мой друг обещал, что если ему удастся это устроить, то он тоже хотел бы поехать вместе со мной к моему зятю на следующие праздники Дасара. Между тем, и особенно, когда праздники стали приближаться, мы многократно обсуждали наши планы, и когда наступило время, мы сделали все необходимое для успеха нашего предприятия. Однако, в последний рабочий день в офисе, когда я попросил, чтобы мой друг встретил меня со своим багажом в определенное время вечером на железнодорожной станции, то к моему крайнему удивлению и разочарованию он сказал, что очень сожалеет, но не сможет поехать со мной, потому что его семья предложила изменить эти планы, и он собирается отправиться вместе со своими близкими в Рамбах (санаторий на другой стороне Агры). При расставании он пожал мне руку, еще раз выразил свое сожаление и сказал, что "хотя и не телесно, но мысленно и духовно будет присутствовать рядом со мной". Пока мы с женой ехали в поезде, мы решили: сперва поехать в Мейрут, и, проведя там четыре дня, отправиться в Дели, где моя жена еще не бывала, затем провести один день в Аллигуре вместе с родственниками, после чего вернуться в Агру накануне начала моей работы. Наша программа была окончательно определена. Спустя два дня мы прибыли к моему зятю, где провели время с большим удовольствием. Рано утром на третий день, после того, как мы выпили освежающие напитки и уселись вместе, чтобы подумать о развлечениях на этот вечер, вдруг, совершенно внезапно у меня возникло очень странное ощущение, я почувствовал уныние и меланхолию, и сказал зятю, что должен возвратиться в Агру немедленно. Он был чрезвычайно удивлен. Поскольку я собирался провести этот и следующий день с ним, то вся семья возражала против моего внезапного предложения и пришла к естественному заключению, что я на что-то обиделся. Но все попытки удержать меня хотя бы на один день оказались безуспешными, и уже через час я был вместе с багажом на вокзале Мейрута. Но прежде чем мы взяли билеты до Агры, моя жена уговорила меня поехать только до Газиабада (откуда отходит железнодорожная ветка на Дели). Однако, прежде чем поезд отправился в путь, страстное желание ехать в Агру возвратилось ко мне. Не затягивая нашего путешествия, по прибытии в Газиабад я взял билет прямо до Агры. Это очень удивило мою жену, она чувствовала себя совершенно обескураженной, и всю дорогу до Аллигура мы просидели не обменявшись ни одним словом. В Аллигуре она настойчиво упрашивала меня посетить ее родственников. Я отпустил ее, но она не смогла уговорить меня составить ей компанию, и я поехал в Агру; и в ночь моего прибытия я, как ударом грома, был поражен ужасным известием о том, что мой друг именно тем утром внезапно скончался от апоплексического удара в Рамбахе, вероятно в то же самое время, когда я пил освежающие напитки в Мейруте. На следующее утро я был очевидцем того,

как останки моего дорогого друга обрели свое последнее пристанище. Каждый, кто был на похоронах и знал, что я не собирался возвращаться сюда до открытия офиса, засыпал меня вопросами, как я мог услышать об этом печальном событии и кто послал мне телеграмму об этом. Но я со всей искренностью уверяю, что никакого сообщения мне не было послано, и даже не была сделана такая попытка, кроме душевной депрессии, страстного и неустанный желания прибыть в Агру как можно быстрее.

А.
эсквайер

Константин,

-- Нет необходимости приписывать вышеприведенное "оповещение" чему-то сверхъестественному. В жизни есть много разнообразных психических феноменов, которые непреднамеренно или как-либо иначе приписываются действию бестелесных "духов", или же полностью и намеренно *игнорируются*. Говоря так, мы вовсе не намереваемся лишить теорию духов ее *raison d'etre* "основного смысла". Но кроме этой теории в нашей повседневной жизни имеются другие проявления той же самой психической силы, на которые обычно не обращают внимания или же ошибочно трактуют их как результат простого совпадения; ибо единственная причина этого состоит в том, что мы не можем немедленно дать этой силе логическое и умопостижимое объяснение, хотя сами проявления, без сомнения, обнаруживают признаки научного характера и принадлежат к тому классу психо-физиологических феноменов, которыми сейчас заняты люди с большими научными заслугами, и даже такие специалисты, как доктор Карпентер. Причину этого необыкновенного явления следует искать в оккультном (и все же бесспорном) влиянии, оказываемом активной волей одного человека на волю другого, даже если воля последнего застигнута в момент отдыха или пассивного состояния. Мы имеем ввиду *предчувствия*. Если бы каждый человек привлек пристальное внимание (конечно, с опытной и научной целью) к своим повседневным поступкам и понаблюдал бы за своими мыслями, разговорами и вытекающими из них действиями, и тщательно бы проанализировал их, не пропуская даже тех деталей, которые кажутся ему ничтожными,-- тогда для большинства этих действий и мыслей он нашел бы *причины*, основанные на взаимном психическом влиянии, оказываемом друг на друга разумами, заключенными в тело.

Можно добавить здесь несколько примеров, более или менее знакомых каждому благодаря его *личному* опыту. Мы приведем лишь два из них. Два друга, или даже просто знакомых, не встречаются друг с другом годами. Один из них, остававшийся дома и никогда не думавший о своем давнем знакомом, вдруг вспоминает о нем. Он вспоминает его без какой-либо видимой причины, и давно забытый образ проносится по молчаливым коридорам ПАМЯТИ и предстает перед его глазами так живо, как если бы он действительно был здесь. Через несколько минут, или может быть через час после этого, этот пропавший человек *вдруг наносит ему неожиданный визит*. Другой пример: А. дает почитать книгу Б. Б., прочитав эту книгу, откладывает ее в сторону и больше не думает о ней, хотя А. просил вернуть ее немедленно после того, как она станет не нужна. В течение дней, а может быть и месяцев после этого, мысль Б., занятая важными делами, внезапно возвращается к этой книге, и он вспоминает о своем упущении. Автоматически он покидает свое место, идет в свою библиотеку и достает книгу, думая о том, чтобы в этот раз обязательно отослать ее обратно. И в тот же самый момент открывается дверь, входит А., говоря, что он пришел специально, чтобы забрать книгу, которая ему нужна. Совпадение? Во все нет. В первом случае дело было в госте, который, решив навестить старого друга или знакомого, *сконцентрировал свою мысль на нем*, и эта мысль, благодаря своей собственной активности, оказалась энергетически достаточной, чтобы преодолеть *пассивную*, в тот момент, мысль хозяина дома. То же самое объяснение хорошо подходит

и для случая с А. и Б. Но м-р Константин может возразить: "Мысль моего покойного друга не могла повлиять на мою, так как он был уже мертв, когда меня неудержимо тянуло в Агру". Наш ответ очевиден. Не существовала ли самая теплая дружба между автором письма и умершим? Не обещал ли последний быть с ним "мысленно и духовно"? И это приводит к положительному выводу, что перед смертью его мысль была сильно занята тем, кого он ненамеренно огорчил. Сколь бы внезапной ни была эта смерть, мысль все же гораздо быстрее ее. Более того, в момент смерти она конечно была усилена в сотни раз. Мысль -- это последнее, что умирает, или скорее затухает в мозгу умирающего человека; а мысль, как показано наукой, является материальной, так как она представляет собой лишь вид энергии, которая меняет свою форму, но является вечной. Таким образом, эта мысль, сила и мощь которой всегда пропорциональны ее интенсивности, стала, так сказать, конкретной и осязаемой, и благодаря большой близости между обоими друзьями, она охватила и подчинила себе все чувства и мысли м-ра Константина и заставила волю последнего действовать в соответствии с желанием умершего. Думающая субстанция была мертва, и инструмент, порождающий мысли, лежал разбитым навсегда. Но его последний звук еще жил и не мог полностью погибнуть в волнах эфира. Наука говорит, что колебание одной-единственной музыкальной ноты будет задержано в своем движении по коридорам вечности; а теософия полагает, что последняя мысль умирающего человека превращается в него самого; она становится его *эйдолоном*. М-р Константин не удивил бы нас, если бы на самом деле скептики обвинили бы его или в предрассудках, или в том, что, находясь в галлюцинаторном состоянии, он видел перед собой мысленный образ, или так называемый "призрак" своего умершего друга. Ибо этот "призрак" не был ни сознательным духом, ни душой умершего человека, а просто его на мгновение *материализованной* мыслью, проецируемой бессознательным образом, при помощи всего лишь мощи его собственной энергии, в направлении того, кто занимал эту мысль.

"Теософист", июнь 1881
